

Масаев М. В.

ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АТЛАНТИЧЕСКОГО ВЫБОРА УКРАИНЫ НА ФОНЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРАДИГМАЛЬНОГО ОБРАЗА НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Актуальность данного вопроса не вызывает сомнения на сегодняшний день.

В декабре 1999 года избранный на второй срок президент Украины Л. Д. Кучма заявил в Вашингтоне об «атлантическом выборе» Украины.

10 декабря симферопольское отделение Атлантического совета Украины и представительство МИД Украины в г. Симферополе при интеллектуальной поддержке Таврического национального университета им. В. И. Вернадского и двух коммерческих вузов Таврического экологического института и Крымского института экономики и хозяйственного права провели в этой связи в Симферополе международную научно-практическую конференцию «Черноморский регион: современные геополитические реалии».

Предваряя эти события, ведущий программы «Грани» крымского телевидения Игорь Азаров провёл на глазах телезрителей Крыма опрос крымчан, результатом которого явилось почти единогласное отрицание жителями Крыма «атлантического» выбора Украины (около 100%) и абсолютно единодушное желание крымчан видеть Украину в едином государстве с Россией и Белоруссией.

Впрочем, мнение крымчан не отражает общей картины настроений на Украине, где, по словам представителя МИД Украины на вышеупомянутой международной научно-практической конференции Г. В. Алтухова, «атлантический» выбор поддерживает 80 % населения страны.

Болезненная реакция крымчан на «атлантический» выбор Украины не случайна. Крым – болевая точка геополитических отношений не только Украины, но и России. Поэтому прогноз глобальных и региональных геополитических и международно-правовых последствий атлантического выбора Украины невозможен без анализа геополитического положения Крыма.

Целью данной работы является аналитическое осмысление происходящих процессов и выработка возможных сценариев последующих процессов на перспективу.

Для оценки геополитического положения Крыма необходимо выбрать определённую точку отсчёта, которая послужила бы, по словам известного крымского философа Ф. В. Лазарева, «интервалом, аспектом познаваемого объекта». Ведь «истина становится справедливой не вообще, а лишь в рамках определённого интервала абстракции» [1, с. 4].

В качестве такого интервала выберем евразийскую школу геополитики.

Крымский полуостров в силу своего уникального географического положения и политических ориентаций сопредельных территорий всегда был в фокусе интересов различных государств с древнейших времён. Пожалуй, ни один из регионов земного шара не видел на своей территории такого массового количества народов, цивилизаций, государственных образований [2, с. 40].

В свете последних работ геополитиков значимость Крыма возрастает в связи с «новым геополитическим порядком Юга».

Так, один из наиболее ярких современных российских геополитиков А. Г. Дугин полагает, что геополитика южных регионов связана с планетарной миссией России-Евразии в ещё большей степени, чем проблемы Севера и Востока. Если даже при рассмотрении Севера и Востока, принадлежащих геополитически ко внутрirosсийским территориям, внешнеполитический фактор возникал постоянно, то в случае разбора проблематики Юга говорить только о «внутренней геополитике» России просто не имеет смысла, так как все внутрirosсийские реальности настолько связаны здесь с внешнеполитическими, что их разделение просто невозможно без того, чтобы полностью не нарушить строгость общей геополитической картины. Это было верно, когда Крым находился в составе России (СССР). Это тем более остаётся верным, когда Крым оказался за пределами России.

В отношении Юга у «географической оси истории» есть только один императив – геополитическая экспансия вплоть до берегов Индийского океана. Это означает центральность и единственность меридионального развития, однозначную ось Север-Юг. С геополитической точки зрения, всё пространство, отделяющее российскую территорию от южной береговой линии Евразии, является полосой, чью площадь необходимо свести к нулю. Сам факт существования этого, по выражению Х. Макиндера внутреннего полумесяца или римланда, отсекающего континентальные страны от морей, римланда, который является не линией, но полосой, есть выражение талассократического воздействия (воздействия морских, в конкретном случае государств Атлантического альянса), противоположного базовому импульсу континентальной интеграции. Таким римландом для России было Крымское ханство до его присоединения, таким римландом для неё является Крым, входящий в состав сделавшей «атлантический», т. е. талассократический геополитический выбор Украины. Такой выбор Украины явно противоречит базовому импульсу континентальной интеграции России и Белоруссии.

Если римланд Евразии на севере и востоке России сведён к нулевому объёму, и континент здесь

является геополитически законченным (единственно, что остаётся – это сохранить позиционный статус кво, заранее предупреждая возможность превращения линии в полосу под воздействием талассократического импульса), то римланд на юге представляет собой открытую проблему. На востоке и севере у России римланд – актуальная линия, но потенциальная полоса, а на юге и западе наоборот – актуальная полоса, но потенциальная линия. В первом случае основным императивом является оборона и защита, сохранение, консервация положения вещей и предупредительные геополитические ходы. Во втором случае речь идёт, напротив, об активно наступательной геополитике, об экспансии, суммарно «оффенсивной» стратегии.

На Юге всей Евразии Россия должна установить «новый геополитический порядок», исходя из принципа общеконтинентальной интеграции. Поэтому все сложившиеся политические образования Юга – исламские страны, Индия, Китай, Индокитай – следует заведомо рассматривать как театр континентальных позиционных манёвров, окончательная задача которых заключается в том, чтобы стратегически жестко соединить все эти промежуточные регионы с евразийским геополитическим центром – Москвой.

Отсюда вытекает концепция «открытых лучей», идущих от центра к периферии, которые не останавливаются на собственно российских границах, но должны быть проведены до южного океанского берега. Те отрезки «лучей», которые приходятся на российские территории, являются актуальными, на те страны, которые стратегически солидарны с Россией – полуактуальными, а на те государства, которые следуют собственному геополитическому пути или (в худшем случае) входят в зону прямого атлантического контроля – потенциальными.

Общая логика евразийской геополитики в этом направлении сводится к тому, чтобы вся протяженность лучей стала актуальной или полуактуальной.

На этом основании всё побережье евразийского континента от Анатолии до Южной Кореи следует рассматривать как потенциальный «русский Юг».

Императив геополитической экспансии в южном направлении предопределяет и структуру композиции тех областей, которые входят в административные границы России или в состав союзных с Россией государств (СНГ). Поэтому анализ периферии актуальных и полуактуальных геополитических лучей не должен ни на мгновение отвлекаться от изначальной тенденции, диктуемой законами геополитики.

«Русским Югом», по мнению А. Г. Дугина, в более ограниченном смысле, является, в частности, Южная Украина (и, естественно, Крым – М. М.) [3, с. 341 – 343].

Другой представитель современной российской геополитики Ю. В. Тихонравов, признавая фундаментальность работы А. Г. Дугина [4, с. 325], по сути дела соглашается с его мыслями.

Одним из первых российских исследователей, заявивших о геополитических интересах нынешней России (в настоящих её границах – М. М.) был В. С. Колосов, опубликовавший в 1990 году статью «О геополитическом положении РСФСР» [5].

Традиционно геополитика рассматривалась как наука о влиянии геопространства на политические цели и интересы государства. Постепенно геополитика перешла к более сложному пониманию пространства как среды, преобразующей экономические, политические и прочие отношения между государствами. С ростом взаимозависимости в мире всё большую значимость в геополитическом анализе приобретает характер межгосударственных отношений и его взаимодействие с геопространством, которое в силу своего расположения становится центром притяжения многих геополитических сил.

Одним из таких центров, вблизи которого с давних времён разворачивались многие мировые события, является Крым. Этим событиям посвящали свои исследования не только многочисленные зарубежные учёные, но и наши отечественные исследователи. Среди них известны имена Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. И. Ламанского, А. И. Воейкова, Д. И. Менделеева, В. П. Семёнова Тянь-Шанского и др. Именно они подготовили почву для утверждения «евразийства» как наиболее мощной русской геополитической доктрины.

Русская геополитическая школа начиналась из так называемого Восточного вопроса, которые до сих пор остаётся самым сложным и запутанным. Одной из основных проблем Восточного вопроса является Причерноморский узел противоречий, в котором традиционно Крым и прилегающие к нему регионы рассматривались как объект геополитических притязаний [6, с. 95].

Действительно, перу отечественных авторов принадлежат многие пионерные разработки в той области исследований, которая в начале XX столетия получит название «геополитика» [7, с. 3].

Как справедливо отмечает крымский учёный В. В. Буряк, двадцатый век оказывается водоразделом между позитивистско-геологическим фатализмом мировой истории и имманентным окказионализмом геогностической онтологии. «Шпенглеровский» морфологический подход является во всяком случае довольно-таки плодотворным, поскольку не редуцируется до упрощённой дихотомии «правый-левый», «плохой-хороший», «истинный-ложный» и т. д. Эта концепция, хотя и в усечённой культурологической форме, продолжает фундаментальную линию Н. Я. Данилевского, основанную на организмическо-органической модели геополитического универсума. Полиморфизм, разностильность, разнокачественность этносов и культур подвержен угрозе «размывания» и «унификации» со стороны

антиколониальной атлантической семиотической экспансии, уничтожающей вербально-знаковый контекст исторической реальности и подменяющей её имагинативно-эмоциональным модусом действия [8, с. 13].

В этом контексте верна мысль крымских исследователей С. Н. и Н. В. Киселёвых о том, что традиционная схема рассмотрения Крыма как **объекта** геополитических притязаний осложняется в настоящее время тем, что Республика Крым начинает претендовать на роль геополитического **субъекта** [7, с. 4].

Отец возрождающейся крымской государственности, бывший Председатель Верховного Совета Крымской АССР – Республики Крым, а ныне ректор Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Н. В. Багров выделяет следующие аспекты крымской проблемы: территориальный (имеющий две составные части – международную и внутрисубъектную), экономический, военно-стратегический, межнациональный [9, с. 21-22]. По его мнению, военно-стратегический аспект связан с особым геополитическим положением полуострова, который издавна рассматривался как важнейшее звено обеспечения безопасности на южном средиземноморско-черноморском направлении. Этим объясняется стремление России сохранить в Севастополе базу своего Черноморского флота. Его потеря – это удар не только по престижу, но и по интересам национальной безопасности России. Не видеть эти интересы было бы наивно, не считаться – безрассудно, противодействовать – опасно для ситуации в целом регионе [9, с. 22].

Находясь на пересечении морских путей Азово-Черноморского бассейна и имея удобные сухопутные магистрали, Крым занимает важное экономическое и стратегическое положение. Его черноморские порты открывают дешёвый водный путь к областям Украины, на Северный Кавказ и в Грузию, через Волго-Донской судоходный канал к Балтийскому морю и северным морям России, по Дунаю – в Центральную Европу, а через проливы Босфор и Дарданеллы – в страны Средиземного моря, Индийского океана и Дальнего Востока [7, с. 5-6].

Особую актуальность крымская проблема с точки зрения геополитики приобретает в связи с теорией Новороссии.

По мнению Е. Ф. Морозова, необычность теории Новороссии заключается в том, что она пронизывает все построения Русской геополитической школы [10, с. 16].

Е. Ф. Морозов касается данного вопроса, в частности, в контексте украинского вопроса, подчёркивая, что геополитически и этнически Украина распадается на четыре слабо связанные территории, одна из которых – Новороссия (южные регионы со смешанным населением и преобладанием российской культуры) [11, с. 45]. Оценивая ситуацию, сложившуюся, в частности, в Крыму, Е. Ф. Морозов считает, что новороссийский субэтнос уже вступил в фазу пассионарности [11, с. 45].

Современный крымский геополитик А. Р. Никифоров полагает, что Новороссия станет геополитическим ядром будущей России [12, с. 38-40], а поскольку Крым – её составная часть, выводы напрашиваются сами собой. «... Именно для Новороссии характерна тенденция к центростремительному регионализму (казачьи области – государственные образования времён Гражданской войны – республики в Крыму и Приднестровье). Территориальная автономия как принцип самоорганизации и как путь к возрождению империи предлагается Новороссией остальной России уже не в первый раз. Остаётся надеяться, что в этот раз предложение будет сформулировано так, что отвергнуть его не удастся», – полагает А. Р. Никифоров [12, с. 40]. К вышеозначенному вопросу обращался и М. В. Масаев [13, с. 3].

Впрочем, обращение к проблемам Крыма с точки зрения евразийской школы геополитики стало возможным после падения Крымского ханства. В свете концепций одного из представителей евразийства Л. Н. Гумилёва падение ханства целиком вписывается также в теорию пассионарности [14, с. 61-63].

В интервале концепций евразийской школы геополитики нахождение Крыма за пределами геополитического влияния России противоестественно. Поэтому из всех событий в истории Крымского полуострова самым значительным мы должны признать присоединение его к России (воссоединение его с Россией) в конце XVIII столетия [15, с. 3]. Это событие не только открыло новую эпоху в истории Крыма. Это эпохальное событие имело широкий резонанс и последствия для истории России, Турции, Восточной и Западной Европы [15, с. 3].

Присоединение Крыма к России знаменовало собой широкомасштабные геополитические перемены в циркумпонтийском регионе, последствия которых ощущаются и по сей день [15, с. 3].

Уникальная особенность положения циркумпонтийского (кругочерноморского) региона состоит в том, что здесь находится узел пересечения описанных нами выше геополитических осей евроазиатского материка, которые веером расходятся от Чёрного моря. Потому-то Причерноморье продолжает оставаться в сфере «жизненных интересов» Америки, о чём неоднократно заявляли её лидеры. И именно поэтому здесь необходимо активное политическое и военно-стратегическое присутствие России. Это понимали российские политики уже в XVIII веке. Россия и состоялась собственно как империя в борьбе за обладание Крымским полуостровом и Чёрным морем. Потеря Крыма и Севастополя – моральный укор, удар по исторической памяти русского народа, потому что Крым это не только база Черноморского флота, курорт, здравница и музей под открытым небом. Крым – это символ государственной полноценности России», – полагают С. Н. и Н. В. Киселёвы [7, с. 21].

Для истории России присоединение Крыма явилось поворотным пунктом. С этого момента Россия подтверждает свой статус сверхдержавы [15, с. 3; 15, с. 3]. О том, что Россия имела его, свидетельствуют факты. Так, осенью 1775 г. английский король Георг III направил Екатерине II послание, в котором просил прислать 20 тысяч русских солдат для подавления мятежа в Америке. Просьба Англии была отклонена. А между тем «корпус из 10 тыс. боеспособных русских солдат, - писал в июле 1777 г. главнокомандующий английскими силами в Америке, - мог бы гарантировать Великобритании военный успех в предшествующей кампании» [16, с.163-164]. Россия не поддержала империю того времени, а помогла подняться на ноги новому государству, будущей сверхдержаве – отказ России помогать Англии в войне против восставших колоний в Северной Америке и вооруженный нейтралитет России, Дании и Швеции в 1780-1783 гг., ключевую роль в котором играла именно Россия, стали важными системообразующими факторами в борьбе, предпринявшими победу этих колоний в войне за независимость. Россия была настолько сильна и уверена в своём могуществе, что появление США не вызывало у неё никакого беспокойства. В этом контексте присоединение Крыма к России покончило с неестественным положением мировой сверхдержавы, не имевшей контроля над устьями своих собственных рек Азово-Черноморского бассейна [15, с.3; 7, с. 4]. С присоединением Крыма начинается процесс полного преобладания России в Черноморском регионе [2, с. 41].

Для Турции это событие явилось началом медленного, но неуклонного угасания её могущества. Некогда великая империя османов начинает стремительно терять свой авторитет в Европе и мире.

Для Старого Света падение Крымского ханства как одного из главных форпостов европейской экспансии Блистательной Порты и присоединение его к России означало уже принципиально иную расстановку сил. Европа, стремившаяся сохранить равновесие, почувствовала, как чаша весов склоняется в пользу России. Для неё это было тягчайшим ударом.

Присоединение Крыма к России сыграло громадную роль в истории славянских народов. Это событие решило важнейшую геополитическую задачу всего славянского мира. Прежде всего – восточнославянского.

Отнюдь не случайно в украинской историографии утверждается мысль об эпохальности и положительном значении присоединения Крыма к России.

В связи с этим один из известнейших на сегодня историков Украины Орест Субтельный отмечает: «Для истории Украины, как и всей Восточной Европы, это (присоединение Крыма к России – М. М.) было эпохальным событием. Тюркских кочевников, чьим последним бастионом в Европе было Крымское ханство, и чей последний набег на Украину состоялся в 1769 г., наконец, уладили. Степь, которая тысячелетиями была источником опасности для оседлого населения, населявшего её порубежье, стала, наконец, доступной для крестьянского плуга» [17, с. 161].

Подобный подход выражен, в частности, в работе «Присоединение Крыма к России и Украина: нестандартный подход к эпохальному событию крымской истории» [18, с. 43-44].

Весьма важную роль в процессе трансформации территории бывшего ханства в правовое и геополитическое поле России сыграли первые годы после присоединения [19, с. 20-21].

Географическое и стратегическое положение Крыма позволяло России господствовать в Черноморском регионе. Однако мощи Черноморского флота не хватило, когда он столкнулся в 1854-1856 годах с объединённым англо-франко-турецким флотом. Союзники, оснащённые передовой на то время техникой, новыми паровыми кораблями, скорее всего, преодолели бы сопротивление российского парусного флота (несмотря на то, что русский флот одержал блестящую победу в последнем сражении в истории парусного флота – Синопском – М. М.). Почему он и был без боя затоплен у входа в севастопольскую бухту. А противник не случайно избрал для нападения главную базу флота – Севастополь. Ведь это стратегический центр всего Чёрного моря. Опыт показал, что для защиты этого стратегического пункта нужно иметь сильнейший флот, а государство должно уметь контролировать вход в Чёрное море – проливы Босфор и Дарданеллы. Опыт Великой Отечественной войны показал, что и этого недостаточно. Надо иметь мощную сухопутную оборону всего Крымского полуострова. Тот, кто владеет Крымом, тот контролирует Чёрное море. Все остальные опорные пункты на побережье Чёрного моря выполняют вспомогательную роль [6, с. 100].

«Овладение морскими берегами или даже одними только Крымом было бы достаточно, чтобы нанести России существенный вред, парализовать её силы», - отмечал в своё время Н. Я. Данилевский [20, с. 376]. Крым и проливы – ключ и замок южного стратегического направления. Присоединение Крыма к России привело не только Турцию, но и западные страны в негодование (зачастую плохо скрываемое – М. М.). Ещё более болезненно реагировали европейские страны на попытку русских взять под свой контроль Босфор и Дарданеллы. Когда Россия и Турция заключили в 1833 г. Ункяр-Искелесийский договор, по которому Чёрное море закрывалось для военных кораблей нечерноморских стран, то это было воспринято, например, Великобританией, как посягательство на её государственную безопасность. Эскалация напряженности в отношении России раздувалась прессой и политиками всей Европы. По этой причине в 1840 г. была подписана международная конвенция, по которой черноморские проливы закрывались для прохода военных кораблей всех держав. Однако эта конвенция не помешала англо-французскому флоту беспрепятственно войти в 1854 г. в Чёрное море, что и предопределило в

конечном счёте поражение России в Крымской войне [6, с. 100].

Ситуация повторилась в 1878 г. В то время, когда русская армия освобождала от турецкого рабства Балканы, британская средиземноморская эскадра была введена в Дарданеллы, что и остановило русскую армию на пороге Константинополя. Даже после подписания Сан-Стефанского мирного договора между Россией и Турцией ещё полгода продолжалось противостояние английского флота и русских войск на подступах к проливу [6, с. 100].

Против России и в 1856, и в 1878 гг. единым фронтом вместе с Англией выступали все великие европейские державы, которые временно отодвигали в сторону свои разногласия, когда необходимо было объединиться против России. Зарождалась и крепла ненависть к российской государственности и её народа вместе с ростом могущества России [6, с. 100-101]. Даже когда Россия выступала защитницей порабождённых народов, западные объединённые силы всякий раз отнимали у победителей и освобождённых их завоевания. Например, после того как русская армия нанесла сокрушительное поражение Османской империи, согласно заключённому в марте 1878 г. мирному договору между Россией и Турцией в местечке Сан-Стефано, на карте Европы появилось новое государство – Болгария. Греция расширила свою территорию, а Румыния, Сербия и Черногория получили полную независимость. Турция была лишена почти всех своих европейских владений. Однако боязнь усиления России на Балканах сплотила западных её противников. Враждебную России позицию тотчас же заняли Англия и Австро-Венгрия. Сан-Стефанский договор объявлялся ими предварительным, подлежащим обсуждению на конгрессе европейских держав. В июне 1878 г. состоялся Берлинский конгресс европейских держав, в результате которого территория Болгарии была значительно урезана, а Фракия, Македония и Албания оставлены за Турцией. Австро-Венгрия добилась прав на оккупацию Боснии и Герцеговины и контроля над Черноморским побережьем [6, с. 101].

Ревизия русско-турецкого договора и уступки российской дипломатии на Берлинском конгрессе стали предметом глубокого анализа в гениальной статье Н. Я. Данилевского «Горе победителям», в которой он с осуждением подчёркивает тот факт, что разрушенные русскими штыками препятствия к турецкой части Восточного вопроса были «снова восстановлены, а некоторые даже усилены и вновь созданы перьями русских дипломатов. Отрицательные результаты, достигнутые русской политикой, многим превзошли положительные, достигнутые русским военным искусством и русскою военною доблестью» [21, с. 141].

Русская геополитическая мысль на протяжении длительного времени вырабатывала собственные схемы мироустройства, которые частично совпадают со взглядами зарубежных учёных. В работе «три мира Азийско-Европейского материка» В. И. Ламанский выделял на территории Евразии «три крупных части, три великих отдела или мира, каждый со своими, исключительно ему свойственными географическими, этнологическими и историко-культурными особенностями» [22, с. 2; 7, с. 22]: «средний мир», состоящий из Российской империи, славянских земель в Европе, Греции, европейской Турции с Константинополем; «собственно Европу», представленную государствами Скандинавского и «Альпийского» полуостровов, который имеет перешеек, проходящий по линии Данциг-Триест; и «собственно Азию» [22, с. 24; 7, с. 22]. Каждый из этих миров, по утверждению В. И. Ламанского, представляет противоположность друг другу. Узел противоречий между ними завязывается в Причерноморском регионе, т. е. в непосредственной близости от Крыма [7, с. 22].

В годы первой мировой войны крупный отечественный географ В. П. Семёнов-Тян-Шанский, внёсший существенный вклад в развитие антропогеографии и политической географии в России, выступил с большой статьёй «О могущественном территориальном владении применительно к России». В этой статье он развивает представление о трёх типах «территориальных систем политического могущества». Учёный выразил убеждение в том, что для осуществления «могущественного территориального владения» России будет необходимо переориентировать направление русской колонизации с традиционно восточного на южное и юго-западное в сторону Персидского залива и к Средиземному морю. Для успешного решения этой задачи России, по его мнению, обязательно следует овладеть черноморскими проливами [23, с. 445; 7, с. 23].

Рассматривая исторические этапы развития «могущественных территориальных владений» Восточного полушария, мы можем отметить, что на ранних стадиях становления цивилизации территориальные формы государств складывались в тёплых условиях климатических поясов, образуя «кольцеобразные системы», вытянутые в широтном направлении. По мере развития культуры происходит смещение могущественных территориальных владений в холодные климатические пояса. Территория этих владений увеличивается не только в широтном, но и в меридиональном направлении. Происходит формирование систем «от моря до моря». Примечательно, что каждое из выделенных В. П. Семёновым-Тян-Шанским «могущественных владений» выходит к бассейну Чёрного моря, а большинство из них захватывает и весь Крымский полуостров [7, с. 24].

Одно из базовых положений евразийства заключается в так называемой «срединности» России-Евразии. Крым в этом контексте полностью можно определить как «Евразию в миниатюре», поскольку он, по выражению одного из ведущих крымских философов А. П. Цветкова, является и «маленькой Россией», и «Востоком в миниатюре», и «маленьким Западом» [24, с. 314].

Один из родоначальников евразийства П. Н. Савицкий утверждал, что Россия-Евразия есть синтез мировой культуры и мировой истории, развёрнутый в пространстве и времени [3, с. 84]. Крым в этом контексте, по сути дела, - то же самое.

Базовый, системообразующий этнос Евразии – русские – в свете концепций евразийской школы геополитики является не просто ответвлением восточных славян, но особым имперским этническим образованием, в котором сочетаются славянский и тюркский субстраты [3, с. 84]. Крым в этом отношении является великолепным примером.

П. Н. Савицкий утверждал: «Россия – наследница Великих Ханов, продолжательница дела Чингиза и Тимура, объединительница Азии... В ней сочетаются одновременно историческая «оседлая» и «степная» стихия [3, с. 85]. Заметим при этом, что Крымское ханство претендовало в своё время на подобную роль.

Отнюдь не случайно, что великий крымскотатарский просветитель И. Гаспринский стоял на евразийских позициях. Он считал присоединение Крыма к России положительным и прогрессивным явлением. Убеждённый сторонник русско-мусульманского соглашения, солидаризируясь с турецким писателем, имя которого он, по известным причинам, не раскрыл, писателем, который говорил, «я османлы (турок-осман – М. М.) и ничто больше, но жить с русскими будет лучше и легче: они ближе к нам по складу и культуре, чем народы Запада» [25, с. 66]; считавший, что «Европа – общий враг Турции и России» [25, с. 67], пропагандировавший в мусульманском мире «могучую Россию и прекрасный русский народ» [25, с. 78], подходил к проблеме присоединения Крыма к России как геополитик. Он считал «тяготение» России «к простору и океану» «естественным» и «чисто реальным» [25, с. 68], а вхождение в состав «растущей Руси» Рязанского, Казанского, Астраханского, Сибирского и Крымского царств, ханств Закавказья и некоторых ханств Средней Азии, где, по мнению Исмаила Гаспринского, «Россия ещё не достигла своих исторических, естественных границ» [25, с. 17], моментами «исторической необходимости» [25, с. 17]. «Мне кажется, - писал И. Гаспринский, - что пока русские границы, как наследие татар, не дойдут до исторических, естественных пределов их поселений, они не могут быть прочны» [25, с. 18].

Геополитические идеи И. Гаспринского можно подтвердить следующими историческими фактами: стремление уйгур Китая войти перед второй мировой войной в состав Советского Союза и распад последнего в 1991 г. Отсутствие естественной границы, совпадающей с границей тюркского мира, сделало Советский Союз образованием непрочным. Русские согласились на раздел своего Отечества – турки, будь они все пусть и в одном Отечестве с русскими, но все вместе, могли бы оказаться умнее [15, с. 12].

Необходимость единства тюркского мира и России понимали и И. Гаспринский, и генералы Кая бей Балатуков, Ахмет бей Хункалов, Батыр Челеби Муфтизаде, полковник И. Муфтизаде и многие другие командиры и офицеры крымскотатарских частей и подразделений русской армии, которые сражались за интересы России и под Москвой, и под Данцигом, и под Парижем, обороняли Севастополь и освобождали Болгарию, проявляли стойкость и упорство на фронтах первой мировой и гражданской войн [26].

В теории евразийства не последнюю роль играет и концепция «месторазвития».

В силу своих природных условий территория Крыма может рассматриваться как идеальное «месторазвитие» [7, с. 25].

Таким образом, Крым в свете концепций евразийской школы геополитики представляет собой составную часть географической оси истории, без которой полноценное существование сзади лежащего хартленда невозможно. «Атлантический» выбор Украины вступает в этой связи в противоречие с континентальным геополитическим импульсом, что не может не вызвать серьёзных геополитических последствий.

Мы представили лишь один интервал геополитического подхода к проблеме, весьма пространно изложенный в «Основах геополитики» А. Г. Дугина. Есть и иные, в том числе оправдывающие превращение Крыма в одно из колец геополитической «анаконды», удушающей в естественных геополитических интересах заокеанского «хозяина» страны континентального хартленда. Не случайно известному крымскому философу А. Д. Шоркину книга А. Г. Дугина представляется «одиозной» (мнение это было высказано им на упомянутой выше конференции, проходившей в Таврическом экологическом институте). Хотя в душе он такой же теллурукрат, такой же сторонник сухопутной геополитической ориентации, как и А. Г. Дугин. А его интервал подхода даже шире не только интервала А. Г. Дугина, но и интересов воинственного сербского националиста Воислава Шешеля с его единым славянским миром «от Ядрана до Япана» [27, с. 4] и французского политика Шарля де Голля с его «Европой отечеств» «от Атлантики до Урала». Для торжества этой идеи Шарль де Голль вывел в 1966 г. Францию из военной организации НАТО, убрал с территории страны штабы и всю инфраструктуру блока, который был, по его мнению, деструктивным фактором в строительстве его «Европы от Атлантики до Урала». Интересно, что сразу после проведения в Крыму конференции «Черноморский регион: современные геополитические реалии» в крымской «Теленеделе» в рубрике «Мужчина» была опубликована статья Охлабускина «Голль на выдумки хитёр», где довольно-таки подробно даётся биография этого политического деятеля, отмечается, что всего за несколько лет его правления в стране было покончено с инфляцией, объём

промышленного производства возрос почти в два раза, Франция получила самую передовую а Западной Европе атомную промышленность, а франк превратился в одну из самых твёрдых валют. «Светлая была голова», - так заканчивается эта статья. Но в ней ничего не говорится о том, что всего этого Франция добилась при президенте де Голле благодаря его геополитическому выбору и не в пользу «атлантизма», а в пользу евразийского интервала его геополитики, в пользу «Европы от Атлантики до Урала» [28, с. 8]. Интервал геополитического подхода А. Д. Шоркина ещё шире, от Атлантики до Тихого океана. В таком интервале Украине бы уже не угрожали последствия двух, по А. Д. Шоркину, геополитических ударов (отказ Украины, вынужденный, от третьего в мире ядерного потенциала и транспортировка «большой нефти» Баку через турецкий Джейхан). Была бы снята и угроза предсказанного на конференции 10 декабря 1999 года в Крыму доцентом Международного научно-технического университета – Ялтинского института менеджмента В. М. Масаевым третьего геополитического удара. Этим ударом стала бы переориентация транзита российской нефти и российского газа в Европу с Украины на Белоруссию.

Но детище талассократических государств НАТО будет мешать единству Евразии «от Атлантики до Тихого океана». И прежде чем такое единство будет достигнуто много воды утечёт в Чёрное море и из Днепра, и из Дона и Кубани, и из Кызыл-Ирмака, а нефти, в обход Чёрного моря, из Баку в Джейхан, лишая Украину бесплатного углеводородного топлива, которое бы она получала за транзит азербайджанской нефти в Европу, станет под вопрос и транзит российской нефти и российского газа, а снабжение Украины нефтью через проливы Босфор и Дарданеллы становится всё более и более проблематичным особенно после катастрофы в конце декабря 1999 года в Мраморном море российского танкера.

Помимо геополитических «атлантический» выбор Украины будет иметь и международно-правовые последствия.

Во-первых, в глобальном масштабе усилится роль НАТО и прочих «атлантических» структур с соответствующим ослаблением роли ООН как инструмента обеспечения мира и безопасности.

Во-вторых, Россия может заявить, что Севастополь, как город республиканского подчинения РСФСР, не имевший к бывшей Крымской области РСФСР никакого юридического отношения, в 1954 году вместе с Крымской областью Украине не дарился и, следовательно, остался в составе РСФСР. И если у Бориса Ельцина этот факт почему-то вызывал удивление (возможно из-за его юридической и общей безграмотности), то Владимиру Путину придётся принять его как должное, иначе Россия при «атлантическом» выборе Украины может окончательно потерять свою последнюю военно-морскую базу на Чёрном море.

В-третьих, изменится статус Автономной Республики Крым. Из внутренней автономии Украины Крым станет автономией договорной по примеру Аджарии. А сторонами соответствующего международного договора наряду с Украиной будут или Россия, или Турция, или обе эти страны, или США и НАТО, в зависимости от соотношения сил между талассократической анакондой и геополитическим континентальным импульсом как на международной арене, так и внутри Украины и Автономной Республики Крым.

Литература:

1. Лазарев Ф. В. История философии. – Симферополь: РИЦ Ателье, 1993. – 16 с.
2. Масаев М. В. Крым в геополитических планах государств от античных времён до наших дней // Тезисы к международной научно-практической конференции «Крымский полуостров в геополитических планах от античных времён до наших дней» (3-5 ноября 1995 г.). – Симферополь, 1995. – С. 40-41.
3. Дугин А. Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М.: Арктогея, 1997. – 608 с.
4. Тихонравов Ю. В. Геополитика. Учебное пособие. – М.: ЗАО Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1998. – 368 с.
5. Колосов В. С. О геополитическом положении РСФСР // Весы. – 1990. – № 2.
6. Крет В. Н., Нестеров В. И. Место Крыма в геополитических концепциях мировой политики // Учёные записки Таврического экологического института. – Симферополь, 1999. – вып. 1. – с. 95-111.
7. Киселёв С. Н., Киселёва Н. В. Размышления о Крыме и геополитике / Крымский центр гуманитарных исследований. – Симферополь: Крымский Архив, 1994. – 64 с.
8. Буряк В. В. Метакритические заметки на полях геополитической карты XX века // Материалы вторых Крымских чтений Н. Я. Данилевского (Ялта, 10-18 ноября 1995 г.). – Симферополь: Крымский Архив, 1995. – С. 12-13.
9. Багров Н. В. «Особый проект Багрова» // Остров Крым. – 1999. – № 3. – С 21-25.
10. Морозов Е. Ф. Теория Новороссии // Русский геополитический сборник. – 1994. – № 1. – С. 16-18.
11. Он же Национальные цели внешней политики России // Геополитика славянства. Третьи Крымские Международные чтения Н. Я. Данилевского. Материалы. – Симферополь: Крымский Архив, 1998. – С. 43-48.

12. Никифоров А. Р. Новороссия как геополитическое ядро будущей России // Русская смута 1917-1920 годов и судьбы мира в XX веке: философия, культурология, геополитика, политология. Вторые Крымские чтения Н. Я. Данилевского. Материалы. – Симферополь: Крымский Архив, 1995. – С. 38-40.
13. Масаев М. В. Крым и Новороссия – ключ к объединению России // Русская Таврида. – 1997. – № 4 (7). – июнь. – С. 3.
14. Масаев М. В. Причины падения Крымского ханства в свете концепций Л. Н. Гумилёва // Проблемы политической истории Крыма: итоги и перспективы. Материалы научно-практической конференции. – Симферополь, 1996. – С. 61-63.
15. Масаев М. В. Присоединение Крыма к России. – Симферополь: Таврия, 1997. – 204 с.; Масаев М. В. Крым во внешней политике России (XVI – XVIII вв.) / Министерство образования Украины. Симферопольский государственный университет. – Симферополь: Таврия, 1997. – 348 с.
16. История США. В 4-х т. – М., 1983. – Т. 1.
17. Субтельний О. Україна: історія. – К.: Либідь, 1992. – 512 с.
18. Масаев М. В. Присоединение Крыма к России и Украина: нестандартный подход к эпохальному событию крымской истории // Проблемы материальной и духовной культуры народов Крыма и Северного Причерноморья от античных времён до наших дней. Материалы первых научных чтений 14-15 ноября 1996 года. – Симферополь, 1996. – С. 43-44.
19. Масаев М. В. Крым в первые десятилетия после присоединения к России (1783-1800 гг.) (геополитические последствия) // Там же. – С. 20-21.
20. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
21. Он же Горе победителям! // Данилевский Н. Я. Сборник политических и экономических статей. – СПб., 1890. – С. 139-219.
22. Ламанский В. И. Три лика Азийско-Европейского материка. – СПб., 1892. – 110 с.
23. Семёнов Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Известия Русского географического общества. – 1915. – вып. 8. – С. 425-458.
24. Цветков А. П. Средиземноморская идея в культуре Крыма // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 3. – С. 313-314.
25. Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток. – Казань: Фонд Жиен. – Татарское книжное издательство, 1993. – 132 с.
26. Масаев М. В. К вопросу о службе крымских татар в вооруженных силах Российской империи // Культура народов Причерноморья. – 1997. – № 2. – С. 285-287; Масаев М. В. Таврические бешлейские дивизионы конного войска (1784-1796 гг.) // Учёные записки Симферопольского государственного университета. – 1998. – № 6 (45). – С. 83-86; Масаев М. В. Таврические татарские дивизионы конного войска: краткий очерк истории (1784-1796 гг.) // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 3. – С. 359-361; Масаев М. В. Крымскотатарские генералы (Кая бей Балатуков и Ахмет бей Хункалов): исторические портреты // Доля. – 1999. – № 1 (8). – С. 19-24; Масаев М. В. Историография вопроса участия крымских коннотатарских полков (1807-1817) в войнах против наполеоновской армии в составе русской армии // Учёные записки Таврического экологического института. – Симферополь, 1999. – вып. 1. – С. 183-194; Масаев М. В. Материалы Российского государственного военно-исторического архива об истории крымскотатарских воинских формирований в составе русской армии // Культура народов Причерноморья. – 1998. – № 5. – С. 402-403; Масаев М. В. Крымскотатарские формирования в войнах против наполеоновской Франции // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 6. – С. 154-159; Масаев М. В. Русие ордуларынды кырымтатарлар. Тарих саифелери // Янъы Дюнья. – 1997. – 49 (361). – декабрь 12. – С. 5; Масаев М. В. Крымские татары в вооруженных силах России // Аркет. – 1997. – 26 декабря. – № 11 (65). – С. 4; Масаев М. В. Они служили России // Крымское время. – 1997. – № 245 (389). – 30 декабря. – С. 15; Масаев М. В. Крымские татары в вооруженных силах Российской империи // Отечество. – 1998. – № 1 (13). – январь. – С. 5; Масаев М. В. Полтора века службы татар Крыма Державе Российской или боевой путь Крымского Конного Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны Полка // Отечество. – 1998. – № 2 (14). – март. – С. 8. Масаев М. В. Крымскотатарские полки в Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах русской армии 1813-1814 годов // Отечество. – 1998. – № 6 (18). – сентябрь-октябрь. – С. 4; Масаев М. В. О службе татар Крыма Державе Российской // Русский Вестник. – 1998. – № 41-42 (383-384). – С. 14; Масаев М. В. Кырымтатарлар рус ордусында кыйда не окьумак мумкюн // Янъы Дюнья. – 1998 сенеси. – 75 (438). – ноябрь 14. – С. 7; Масаев М. В. Память о Святом Георгии // Крымское время. – 1999. – № 82 (703). – 6 мая. – С. 13; Масаев М. В. Таврические татарские дивизионы бешлейского войска (1784-1796). Документы и материалы / Государственный архив при Совете министров Автономной Республики Крым. – Симферополь: Доля, 1999. – 352 с.
27. Масаев М., Масаев В. Запах полыни // Аркет. – 1998. – № 5 (70). – С. 4.
28. Охлабуськин Ш. Голль на выдумки хитёр // Теленеделя. – 1999. – 51 (183). – 16-26 декабря. – С. 8.